

ДУЭЛЬ

Любовь с птичьей головой

Ночные клубы, комплименты литературной тусовки, свет софитов и глазок телекамеры при съемках цикла "Апокриф", которые ведет Ерофеев на канале "Культура", двойные портреты писателя и его музы на глянце журнальных страниц... Сладко жить не запретишь! Но главный карнавал — явление на прилавки пестрых книжечек. Одна из последних — "Бог Х". На обложке — лицо автора, словно придавленное зубьями малиновых вил. Словом, все вызывает и кричит: "Это не губерния, это сам Париж!"

Рожденный в очень благополучной семье советских дипломатов, баюканный под парижские мелодии, Витя рано усвоил французскую речь, воспитан в себе привычки интеллигента. В новые времена купли-продажи глупо и нерасчетливо соответствовать устаревшим канонам и образцам. Сейчас модно выворачивать нутро немойтой России. Виктору Владимировичу от России — мать ее так! — тоже нигде не деться. Броские тома В.Е. густо набиты расейским непотребством. Сам писатель упакован по всем мировым стандартам. Бывшая пятикомнатная коммуналка, обитатель которой В.Е. отселил, перепланирована и превращена в европейские изысканные апартаменты.

Под высоченным лепным плафоном у компьютера колдует юное существо. В серебряном сиянии двухметрового зеркала она возникает как ирреальное видение, услаждающее писательскую душу. Пальцы влюбленного хватают бумагу, нажимают на "print", и выдавливается текст о четвертой любви по Ерофееву. Она с птичьей головой и очень моторна: "Я многократно проводил с ней каникулы. Скорее всего, я протер ее до дыр". Попутно вспомнилось, что брак его еще не расторгнут. Да и сам крутой аналитик любви находит в себе слова задумчивости, а под левым сосцом обнаруживает ностальгию: "Это любовь усталости и прожитой жизни, что отражается на лице, как полагаются. Она — мой человек, моя семья, мой дом, моя жизнь, но я с ней не живу".

Не о своей ли оставленной жене Веславе, милой, обаятельной матери его взрослого сына, ностальгирует наш преуспевающий художник? "Свобода, свобода, эх, без креста!"

— Виктор Владимирович, дорогой мой человек, в россыпи интервью и в текстах ты с особым шиком повествуешь о разнovidности любви, об опыте соблазнов своих лирических героев. Мне грустно и легко, печаль моя светла: значит, твой однокорневой Бог Эро-фей проверяет тебя со-блазнами омоложения, как гетевского Фауста?

— Для меня большой комплимент, Наташа, что ты отсылаешь меня к Гете. С ним спорить невозможно — он всегда прав. Жизнь состоит из порядка и хаоса. Мы постоянно испытываем недоверие и к прогнозам, и к тому, что с нами случается. Конечно, я не кодирую себя по примеру Фауста, но, видимо, что-то есть во всех нас от него. Гете угадал возможности, заключенные в человеке от природы.

— Эти музы — девушка, женщина — они твои ученики и учительницы? Или в конечном итоге — разорительницы?

— В любви ли, в дружбе ли или в неприязни результат надо разделить на двоих. Писатель — всегда! — великий экспериментатор жизни. Он арктический исследователь. Торчит среди льдов, когда у него есть большой дом в Лондоне или в другом месте. А он зачем-то сидит в Арктике и что-то копают.

— Слово или сюжет...

— Так и я чувствую себя в какой-то долгой командировке. А иногда — словно в припадке творческого энтузиазма. Человеку вообще свойственно стремление к комфорту, стабильности, к благополучию, к тишине. К гармонии! Писатель, если не сдвинет какой-то айсберг со своей души, не сорвется с петьли или якоря, то будет обречен полисывать что-то очень серенькое, средненькое.

— И никому не нужно... Судя по твоей эссеистике и по лирическим текстам, автор не раз менял объекты своих страстей — то некая немка, то Лариса (в тексте не она ли в образе Агаты?). Скажи, эти увлечения что-то изменили в твоей прозе?

— Ты знаешь, каждый человек — и писатель в том числе — состоит из двух половинок: из того, что он делает, и из собственной биографии. Когда в жизни писателя происходит какое-то чрезвычайное событие и он испытывает шок, только тогда из него начинает что-то вываливаться...

В.Е. вспоминает семейную драму после того, как советское правительство покарало участников алмаханка "МетрОпол". Тогда пострадал и Виктор, и его отец.

— Когда я путешествовал по великим рекам — по Миссисипи, Гангу... во мне самом появилась какая-то улавливающая система, позволяющая услышать звуки, сигналы, идущие неизвестно откуда. Когда это слышишь, то становишься похож на медиума, воспроизводящего то, что ему дадут. Появляются ощущения, будто ты на небесах... Если я перестаю слышать этот сигнал, то я просто перестаю писать.

В книжке "Бог Х" встречаются отголоски того, что бурная сексуальная река лирических героев Ерофеева еще помнит о своих родных берегах: "Можно ли изменить жене, если ее беше-но любишь? Слышу громкое "нельзя"! Но ведь это самое сладкое". Ох уж эти сладкие красавицы! Один из типов ерофеевской сексуальной системы — неврастенический "авангардистский дельфин".

Что скрывает Х?

—Виктор, смею предположить, что дельфины и дельфинки вынашивают в мозгу свой идеал благополучия и рисуют на бумажке собственный фамильный герб. Ты уверен, что в его замысловатый узор они впадают твои венец?

— Над чувствами разум не властен. Он не может продиктовать пути и тропинки к счастью — чтоб короче и безопаснее. Чувство — это безумие, энергия, прожигающая стены. Конечно, писатели — это сексуальные животные. Хорошо, если бы эти двуногие животные обладали еще и талантом. Когда писатель пишет, у него мозг дремлет — работают какие-то странные подколнатели. Признаюсь: я за свои тексты ответственности не несу. Рассказанное не напрямую относится к моей личности. Тут можно вычертить сильную кривую. Мои сюжеты — линия не моей биографии, а зигзаг прыгающего шахматного коня. Мою чувственную реку, о которой ты говорил, нельзя измерить только сексом. Это мечта о совершенстве. Она именуется любовью. Когда мы начинаем думать о любви, то вдруг замечаем: нам не хватает воздуха культуры. "Бог Х" — книжка, где я пытаюсь проанализировать, что происходит со мной и моими героями.

— Лет шесть назад в интервью я услышала

ИСОЛА ОНЧЕЛЛИ, ГЕРМАНИЯ

от тебя: "Когда человек сочиняет, он действует в небесах Бога". Скажи, Ерофеев, кто скрывается под именем "Бог Х"? Иск? Ведь Христос в твою книжку не заглядывал! Поскольку ты натянул на голову маску крутого сквернослова, можно с ужасом предположить, что твой книжный Бог состоит из трех букв.

— Я не запрещаю никакого прочтения. Право каждого принимать все по-своему.

— Дело не в праве. В эту сокращенность ты закладываешь какое-то авторское озорство?

— Конечно. У меня есть предощущение, которое я хотел бы ненавязчиво внушить читателю, что мы находимся на пороге какой-то метафизической революции. XXI век войдет не как время клонирования овец или свиней. Мы живем на земле, а это маленькая деревня в огромной вселенной, и в разных точках этой деревни верят в разных богов. Исторически многобожие было оправдан отсутствием общения, у каждого народа поэтому выстраивалась своя истина. Теперь же благодаря электронике мы все соединены. Мне кажется, мы подходим к рубежу смены образа Бога. От этого никому не должно стать дурно. Древние греки поклонялись своим богам, египтяне — своим. Их боги со временем перешли в сказки, легенды и мифы. Я не проповедник. Я всего лишь предчувствую. Предчувствие рождается через любовь. В моей книге Бог принял такой неожиданный облик.

— Бог твой ресторанный слишком примитивен и груб. Он действует и изыскивается в разнуданной манере твоего персонажа, пьяного русского, безвольно повторяющего: "Меня бросила моя молодая женз". Ему подать — его очередная любовница-немка, которую Бог Х называет "сукой клевои".

— Это-то и поразилб моего героя. Мы ведь и предположить не можем облик Бога. А вдруг он явится в образе женщины, матери? Было бы куда страшнее, если бы на какой-нибудь ассамблее ЮНЕСКО кто-то предложил: "Давай, ребята, проголосуем за единого Бога!"

— Твоя книжка нашпигована стиливым и жанровым разнообразием. Встречаются не просто никчемные сюжетики — а паскудные, с обилием мата при полном отсутствии содержания. Если из текста сакраментальной шутовщины "Любовь и говно", в подглавке "Встреча с любовником", где всего четыре строки, убрать два непристойных глагола и всеми упоминаемому жопу, там не останется ничего. Это тоже жертвоприношение для успеха эксперимента? Кому полезна и интересна эта пошлость?

— В моем представлении пошлость — это те книги и фильмы, где стандартизованная любовь от первой встречи гладко катилась к свадьбе. У меня в рассказах любовь — как оледенение земли, когда лед наступает и сносит все, что встречается на его дороге.

— Виктор Владимирович, мат в твоих книжках натушный, вроде картонного барабана. Почему ты, сын благородных родителей (дай Бог им здоровья!), так настойчиво унавоживаешь свой текст матом?

— Я рассматриваю матерные слова как одну из красок русского языка. Мат как архаика подсознания языка мне необходим.

— Знаю, что тебя не интересует общественное мнение. Я не представляю никакого сообщества — всего лишь внимательный читатель. Убеждена: где автор пользуется без острой необходимости матом, там — беспомощность в более совершенных способах художественной выразительности. Ты издал толстый сборник "Русские цветы зла", позаимствовав метафорическое название у великого французского поэта Шарля Бодлера. Неужели интересно было собирать букет из блеклых цветов нашего зла?

— Конечно. Мы привыкли повторять, что наше зло — это советская власть. Или Запад. Или какие-то народы. Или общественные силы. А зло

ИЛЛЮЗИИ

— в нас самих. Новая литература обратилась к злу внутреннему.

— Но у Бодлера цветы зла проходят через страдающее сердце поэта.

— Это же XIX век! Там есть стихотворная гармония и безусловный французский эротизм. В наших произведениях пока еще хаос и заглядывание в страшные противоречия русской души. Хорошо, что мы пытаемся в них заглянуть.

Он не Венчик

Как-то Виктор Ерофеев заглянул в "МК", и на моих глазах произошел казус: мужчина из числа охраны, услышав фамилию, захотел получить как-нибудь автограф на книжку "Москва—Петушки" Венчики Ерофеева. В сознании многих эти личности слились, а Венчик все еще живет, ходит по Москве, ездит по России. Виктор Владимирович достаточно натерпелся от этого двойничества и написал прекрасный рассказ "Ерофеев против Ерофеева" — он об этом матафизическом однофамильстве. Этот иронический и добрый сюжет заканчивается драматической сценой: по улице Воровского ночью Виктор тащит обессиленного, очень пьяного Венчику, к тому же потерявшего трубочку из оперированного горла, а без трубки он говорить уже не мог. Рядом с Веничкой была еще почти в бессознание актриса Т.Л. И тут появился милиционер, готовый по-горбачевски сразиться с алкоголизмом.

— "Мы не пьяные, — сказал я злющему милиционеру. — Мы больные". И пришлось мне замозотать черной Веничкин шарф... И увидел я: у него там все вырезано. Все!!! Непонятно, на чем держится голова... Боже милостивый! За что Ты его так? Бедный ты мой Ерофеев.

— Витя, ты не драматизировал ситуацию?

— Это правда на сто процентов. Мистическая история. Наше однофамильство вначале я воспринимал как игру судьбы — она подталкивала меня к совершенству. Теперь же мне кажется, что Венедикт не умер, а живет и вампирит: люди в разных странах пытаются отыскать его черты во мне, перепутывая все на свете.

— А это правда, что в Голландии издали "Москва—Петушки" с твоим именем и портретом, с твоей биографией?

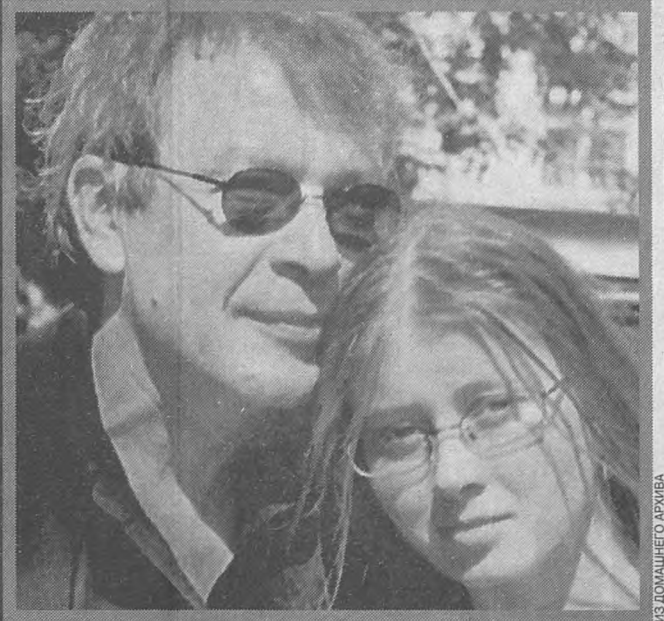
— Это был полнейший переполох. Однофамильство еще раз аукнулось: спустя какое-то время главы моей "Русской красавицы" издали с именем Венедикта Васильевича. Видишь, у нас даже инициалы совпадают. На книжных полках стоим щека к щеке, как классики марксизма-ленинизма — в одном медальоне. Но мы ни разу с ним рядом не сфотографировались! У нас с ним была любовь — в один ворота. Я его обожал — он же считал меня узурпатором, никогда меня не любил.

— Сочинение "Ерофеев против Ерофеева" динамично, с характерами, достойными друг друга. По нему можно даже снять интересный фильм.

— Не случайно же природа столкнула нас, людей с совершенно противоположными культурами. Мы совсем разные. Судьба устроила мне просто метафизическую провокацию. Я ей благодарен — она отучила меня от тщеславия. Только я начинаю думать: "Вот она, подходит моя слава" — а "слава" противит мне Веничкину книгу "Москва—Петушки" для автографа. (Хочет.) Я не только за эти пассажи не обижаясь, более того, держу этот миф на плече.

— Филологи, абсолютно равнодушные к обоим Ерофеевым, читают статьи о французской литературе Виктора Ерофеева. Это еще один двойник?

Человек свободен, как летящий в воду венчик из одуванчиков, даже счастлив, пока в полете. Виктор Ерофеев сейчас пребывает в эйфории, весь светится удовольствием — он любит, и, кажется, его юная партнерша с неменьшим удовольствием наслаждается общением с известным писателем, чьи книги выходят в разных странах, где ставилась опера Шнитке по его повести "Жизнь с идиотом".

ИЗ ДОМАШНЕГО АРХИВА

Виктор Ерофеев: "Держите толчок закрытым — деньги уплывут"

— Я по жизни — большой творческий шизофреник, чокнутый на французской литературе. 19 лет я проработал в Институте мировой литературы. Защитил диссертацию "Достоевский и французский экзистенциализм". Она была напечатана в Америке. Еще я занимался и теорией литературы. Есть у меня нескучная книга "В лабиринте проклятых вопросов", которую я писал в течение 15 лет.

Во дворце буддизма

—У тебя читаю: "Восток — это мистика и магия". Когда был на Востоке в последний раз?

— Года три назад я путешествовал по Индии. Мы шли по Гангу от Гималаев до Калькутты. Я открыл для себя еще одну паразитическую культуру. И Непал, и Тибет — действительно "крыша мира". У посетителей этих мест буквально едет крыша. Со мной на Тибете случилась беда: приехал в Лхасу, столицу Тибета, я по неосторожности упал в канализационный люк, порвал пупок. К счастью, меня быстро оттуда извлекли. Но началось опасное нагноение. Меня спасли в знаменитом святом дворце буддизма. Я прошел все ритуалы дзен-буддизма и стал как бы бессмертным. До первого греха! Но я уже много грешил, и, наверное, мое посвящение утратило силу... Буддийские монахи через два часа убрали заражение, сделали то, что недоступно обычной медицине.

Мой друг Борис Гребенчиков проходил посвящение в буддизм в течение ряда лет. Я волею монахов прошел за три часа. Они напряглись, чтобы вывлечь меня. До сих пор храню все предметы этого священнодействия: специальные шарфы, колечки... Главная ценность буддизма — в сострадании.

И то, что в столице Тибета я провалился в дерьмо, — знаменательное: мне свыше было указано, где мое место в мире.

— Проза твоя, увы, далека от чистоты и святости.

— Скажу тебе, Наташа, я пишу прозу "полуторной" реальностью. В моих рассказах все время возникает некоторое двоение. Здесь и автобиография, случаи реальные. Но я не хочу довольствоваться бедностью правдоподобия.

— В твоей биографии есть еще один увлекательный сюжет — путешествие на Аляску через Америку. "Любовь с эскимосами" — подлинный очерковый материал, или ты пользовался романными придумками?

— Там есть некоторая игра с реальностью, которая делает шагат, когда соприкасается с эскимосами. Это страна шаманов, край легенд, песен, ворожбы. Всего этого больше у Берингова пролива и на островах. Эскимосы меня поразили своеобразием культуры. Они предстают некими доисторическими гигантами. На улице вполне может появиться медведь. Поэтому меня сразу снабдили кольтом на всякий пожарный, дали джип для спокойного передвижения. Путешествие к самым далеким островам Аляски считается одним из самых опасных. Там сталкиваются потоки тихоокеанские с дыханием Ледовитого. Я играл со смертью. Мощный ветер сдувал наш маленький вертолет, как игрушку. В этой экстремальной природной зоне встречаются люди с какими-то физическими отклонениями — порчей глаз, щек. Эскимосского языка они уже не знают — только английский.

Вот тебе парадокс: расстояние между американским островом и русским — полторы мили. Был июнь. Эскимосы-американцы ходили в шортах, расписных майках и ели мороженое. Я приехал на русский остров и увидел солдат в ушанках. Дочка капитана была закутана по-зимнему. Американцы вну-

шили себе, что уже пришло лето, и хорошо себя чувствовали. Русские еще пребывали в зиме и все-го опасались.

— Предполагаю: у американцев в холодильнике была отличная еда, и она им давала энергию для сопротивления. А что могли там есть русские пограничники!

— Наш гарнизон напоминал скотный двор, а у американцев в домах — регулируемое отопление. Но дело еще и в настроении человека. Ты поверь, что все можешь! И все получится.

Виктор извлек из шкафы глубин огромную серую волчью шапку аляскинской выделки, надел поглубже. Лохматый козырек качнулся на глаза, и стал 54-летний искатель приключений похож на американского чучу. Веселые глаза игров зыркали сквозь волчью шкурку. Тут я и осмелела.

— Ой, Виктор Владимирович, я как-то запуталась в твоих вдохновительниках. Года два с небольшим твою женщину, ради которой ты покинул семью, звали, кажется, Лариса. Теперь уже и след ее простыл. В рассказе "Наташа Ростова XXI века" ловкая женщина по имени Агата, хотя и была богата, востребовала деньги от лирического героя на трехкомнатную квартиру. А ты мог бы купить квартиру своей бывшей пассии?

— (Задумался.) Мог бы... Да... То есть... (Темнит. Явно не хочет говорить на щекотливую тему.) Да и вообще скажу: мне везло. Я имел деньги. По поверьям, они любят к себе особый подход. Надо, например, держать крышку унитаза закрытой, чтобы деньги туда не уплывали. С деньгами связано много мистики. Иные авторы обещают близким написать бестселлер и получить много денег. Ни разу не видел, чтобы подобное хвастовство сбывалось. Это напоминает мне задумки иного мужика: "Вот поеду в Сочи, найду себе бабу и сладко оттанцую". Никогда не получит этой бабы! Другой придет усталый, ляжет на пляже — и тут она... Смотришь, он уже бегает как молодой конь, летит через забор к ней...

Осторожно — не упади

—В 95-м в интервью ты мне сказал: "Мужчина у нас развалился, рассыпался. И вот сейчас мы его как-то потихоньку свинчиваем". Удалось ли подкачать болты? Что в результате вышло — мужик или вурдалак?

— Этой проблеме я даже книгу "Мужчины" посвятил. Пока процесс свинчивания мучителен. Пока идут мутанты. Ни то, ни другое. Монстров у нас много. Среди женщин тоже они имеются.

Небеса диктуют писателю добрые мысли и благие намерения. Мне удивительно другое: почему свободолобивый писатель до сих пор не разводится с женой? Бога боится? Виктор Владимирович умеет хранить семейную тайну и выглядит молодецки.

— У меня есть ощущение второй молодости. Мне словно дается шанс. Мы встретились с Женей, моей сегодняшней музой, совершенно случайно в ночном клубе "Китайский летчик" на Старой площади. Она пригласила меня на танец. Танцевали какую-то современную ерунду. В ее танце просвечивал рил-сунке ее натуры — ирония, серьезность, юмор и красота. И этот танец... настроил меня... лирически.

Слова подбиралась очень неуверенно. Подобным образом ищут что-то в темной комнате. Очень хотелось предостеречь лирически настроенного мужчину: "Осторожно — не споткнись".

— Мы вместе с Женей уже полтора года, и нам никогда не бывает скучно. Вокруг нас много людей. Мы живем насыщенной жизнью.

Его 20-летней спутнице в их общении мила игра. Ей нравятся в партнере и патроне живость и то, что он всегда готов разделить обязанности по дому. Еду готовят вместе. Никаких там щей и супов — салат, мясо, дорогая рыба в нарезке. Все это супер-супер. Вспомнила, что мой собеседник не только писатель, но и издатель.

— Тебя много издавала "Подкова". Не ты ли стал ее владельцем?

— Когда "Подкова" очутилась в плачевном финансовом положении, я не мог "подковать" ее деньгами. Я поддержал авторитетом. Она стала постепенно вылезать из проблем. Я посоветовал издателям называть ее "Зебра". Книги ведь всегда ползатыли — одна лучше, другая слабее. Я там занимаюсь как бы развитием их вкуса и эстетических критериев. Ищу молодых авторов. Наш сборник будет называться "Дети Зебры".

Новых, не книжных детей у писателя пока нет. Еще шесть лет назад Ерофеев показал мне с Борисом Гребенчиковым своего попугая. В новой квартире я не обнаружила следов веселой птицы.

— Виктор, куда девался твой попугай Кафка?

— Он живет в другой квартире. (Пауза.)

— У Веславы?

— Кафка там. И совсем очеловечился, правда, разговаривать так и не научился. Остался молчаливым и стал похож на Кафку. Мне кажется, я очень удачно его назвал.

Уж не эта ли восточная птица нашептывает на расстоянии всяческие непотребности в экзальтированные уи Эро-фей?

Наталия ДАРДЫКИНА.